

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛОЦКИХ КРИВИЧЕЙ

ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ШТЫХОВ

На территории Северной Беларуси (Витебская область) до образования Киевского государства (Руси) в результате сложных этнических процессов происходило формирование западной ветви кривичей или "полочан", т. е. полоцких кривичей. Чтобы уяснить эти процессы, необходимо коснуться ряда аспектов истории населения Белорусского Подвинья, а главное, изложить итог новых исследований курганов второй половины I тыс. н.э. с трупосожжениями.

В третьей четверти I тыс. н. э. почти на всей территории Беларуси располагались города-убежища, известные в археологической науке как памятники типа верхнего слоя Банцеровщины, Тушемли, Колочина. В историографии Беларуси большинство исследователей считают их балтскими (Загорульский, 1977, с. 70; Митрофанов, 1980, с. 102–110; Мядзведзеу, 1994, с. 36). Некоторые относят эти памятники к славянам (Поболь, 1974, с. 159). Высказано мнение, что это балто-славянская культура (Штыхов, 1992, с. 34–36).

Исследователи единодушны в том, что племена родственных банцеровской и тешумлинской культур находились в завершающей стадии разложения патриархально-родовых отношений, когда произошел переход к территориальной общине (Митрофанов, 1978, с. 117; Нарысы... 1994, с. 75).

Этническая принадлежность полоцких кривичей – часть проблемы формирования кривичей и определения их этноса. В археологическом аспекте эта проблема связана с этнической интерпретацией погребений в древнейших курганах прежде всего с той области, где по сообщениям летописей и другим данным проживали кривичи. Такими могильниками являются курганные группы, содержащие длинные и сопутствующие им круглые или округлые насыпи с трупосожжениями второй половины I тыс. н.э. (Штыхов, 1999, с. 25).

Ареал могильников с длинными (удлиненными) курганами занимает значительную часть лесной полосы Восточной Европы. Они распространены в верховьях Западной Двины, Днепра, на Псковщине, частично на юго-востоке Эстонии, на восточной окраине Латвии. В. Седов распределил могильники с длинными курганами по шести районам всего ареала, выделив в отдельные районы Полоцкое

(Белорусское) Подвинье и центральные районы Смоленской земли (Седов, 1974, с. 12).

Смоленский археолог Е. Шмидт, обобщая материалы о формировании смоленских кривичей, заключил, что в VII–VIII в. их можно рассматривать "как союз племен, включающий славян и балтов", в котором происходили процессы ассимиляции балтов вплоть до X–XI вв. Он утверждает, что весь набор женских украшений, обнаруживаемых в женских погребениях на Смоленщине, типично балтский, делает вывод о расселении балтов в конце VII–VIII вв., пришедших из Восточной Литвы и Латвии, и полагает, что в это же время из Подесенья сюда проникает другая группировка славянского населения, определившая характер дальнейшего развития керамики (горшки с плечиками). Общий вывод о балто-славянском характере культуры длинных курганов не вызывает возражений (Шмидт, 1975, с. 29, 30). Но направление движения балтов из Восточной Латвии на территорию Смоленщины сомнительно. Скорее всего, кривичи двигались из Белорусского Подвинья в восточную часть Латвии.

По наблюдениям латышских археологов, длинные и сопутствующие им круглые курганы на восточной окраине Латвии возникают во второй половине I тыс. н.э. Изученные курганы свидетельствуют об этнически смешанном населении (кривичи, латгалы и прибалтийские финны). В погребальном обряде и могильном инвентаре кривичей и латгалов наблюдается взаимное влияние (Мугуревич, 1996, с. 127).

Эстонские археологи (старшего поколения) связывали появление на юго-востоке Эстонии длинных курганов с продвижением кривичей на север в среду эстонских племен (Шмидехельм, 1953, с. 214). Другие исследователи утверждают, что длинные и синхронные им круглые курганы псковской группы памятников оставлены местным чудским населением (Лаул, 1971, с. 319–331). По мнению М. Аун, эти памятники появились не в результате проникновения пришлого населения, а в связи с переходом коренного населения к новому обряду захоронения (Аун, 1980, с. 16–17).

В верховье Вилии близ д. Сосенка (Вилейский район) Я. Зверуго выявил ранние курганы кривичей.

Поселение кривичей он исследовал у д. Никольцы в Мядельском районе (Зверуго, 1989, с. 44–52). Намного ранее Ф. Покровский обнаружил курганы кривичей близ д. Занароч. Названные три памятника являются крайними пунктами, которые известны на юго-западной границе кривичей-полочан. На запад от этих пунктов на территории Островецкого, Ошмянского, Сморгонского районов Гродненской области были расположены восточнолитовские курганы, материалы из которых обобщены в важных работах А. Таутовичюса (Таутовичюс, 1959, с. 131–133).

В. Седов, приводя доказательства в пользу славянской принадлежности длинных курганов, отстаивает идею о расследовании с запада (из венедской группы) ранних славян в VI в. первоначально в бассейне Великой и Псковского озера, а затем, через 1,5–2 столетия, на рубеже VII–VIII вв., славяне появились в Белорусском Подвинье и Смоленском Поднепровье (Седов, 1970, с. 107).

Каковы результаты изучения древнейших курганов, включая длинные и круглые насыпи, на территории Белорусского Подвинья? Здесь в итоге новых обследований учтены курганные могильники (всего 387) близ 350 современных населенных пунктов с общим количеством курганов до 8,5 тыс. (Штыхов, 1971). Указанное количество курганов является минимальным, которое достоверно известно на данной территории. С 1849 по 1999 гг. раскопано археологами около 1000 курганов в более чем 100 пунктах. С 1965 по 1991 гг. автором изучено в Белорусском Подвинье около 300 курганов в 30 пунктах. В большинстве случаев курганы исследовались близ древнейших городов с целью выяснения условий и предпосылок их возникновения. Этот большой новый материал с привлечением данных раскопок курганов другими исследователями был классифицирован по трем периодам: курганные могильники третьей четверти I тыс. н.э., курганы последней четверти I тыс. н.э. и памятники XI–XII вв. (Штыхау, 1992, с. 105–107).

В 44 курганных могильниках, наряду с круглыми в плане курганами, есть насыпи удлиненные или длинные. Это памятники второй половины I тыс. н.э. Курганные могильники третьей четверти I тыс. н.э. изучались близ д. Янковичи в ур. Атоки и Повалишино, Рудня (Россонский район), Дорохи (Городокский), Горовые (Полоцкий), Лятохи, Старое Село (Витебский район). Особый интерес вызывают курганные могильники в окрестностях дер. Дорохи на южном берегу оз. Сенница (Городокский район) (Штыхов, 1999, с. 25–26).

В курганах третьей четверти I тыс. н.э. обнаружено 13 лепных сосудов, сохранившихся целиком. Они использовались в качестве урн или накрытых сосудов (Штыхов, 1999, с. 32). Горшки представляют собой слабопрофилированные сосуды вытянутых пропорций. Керамика подобного типа выявлена на городищах-убежищах Смоленщины

(Третьяков, Шмидт, 1963, с. 67–69, 122). От днища горшок постепенно расширяется, горловина несколько сужена, венчик слабо отогнут. Е. А. Шмидт выделяет 10 основных типов керамики “тушемлинской культуры” (Шмидт, 1992, с. 100). На памятниках территории Беларуси керамика более однообразна.

Исследователи, считающие банцеровскую и тушемлинскую культуры балтскими, подчеркивают, что между ними и позднейшими достоверно известными славянскими культурами той же территории нет генетической преемственности (Русанова, 1976, с. 63). Проблема преемственности в данном случае не может иметь однозначного решения. На территории Беларуси на балтский субстрат наслаивались славянские раннесредневековые культуры, происходили ассимиляционные процессы, имел место балто-славянский симбиоз и по меньшей мере две крупные волны славянской колонизации региона. Выявить в подобной перетасовке племен четкую преемственность в развитии славянской культуры на протяжении второй половины I тыс. нашей эры – задача чрезвычайно трудная. Однако мы отметим несколько моментов в пользу того, что славяне имеют отношение к памятникам типа Банцеровщина и Тушемля. В Беларуси на этих городищах, а также синхронных селищах есть слабопрофилированные сосуды по своим пропорциям, близкие к общепризнанным формам славянской керамики (Митрофанов, 1978, с. 139, рис. 16–19).

На селищах близ дер. Ревячка, Городище, Дедиловичи открыты углубления в грунт жилища с печами-каменками (Митрофанов, 1978, рис. 34, 38, 40, 41, 45, 46). Они очень похожи на славянские полуземлянки, что может указывать на причастность славянского населения к памятникам Северной Беларуси. Подобные жилища размером 4x5 м с печью-каменкой удалось выявить нам при небольших раскопках на селище у дер. Лужесно возле Витебска. Здесь датирующим предметом является бронзовый пинцет. На поселениях типа Банцеровщины и Тушемли встречаются каменные жернова (городища Тушемли и Городок в верховьях Сожа, селище близ дер. Дедиловичи, селище-2 близ дер. Дорохи), что может свидетельствовать о появлении славян. На селищах Городище, Лукомль, Ревячка, Тайманово в Беларуси найдено пять железных ножей с валютообразным навершием ритуального назначения, которые являются предметами славянской культуры (Перхавко, 1979, с. 47).

Анализ гидронимов Белорусского Подвинья, произведенный специалистами, показал, что здесь есть довольно ранние бесспорно славянские гидронимы и их процент даже несколько выше, чем процент бесспорно балтских (Катанова, 1978, с. 85).

В древних городах Белорусского Подвинья Витебске, Лукомле обнаруживается значительный культурный слой третьей четверти I тыс. н.э. Между

ним и последующими культурными напластованиями, связанными с восточнославянским прабелорусским населением IX–X и XI–XIII вв. нет стратиграфических разрывов, стерильных и других прослоек. По существу такая картина наблюдается на Полоцком городище. Предвестник Витебска в третьей четверти I тыс. н.э. находился в окружении четырех-пяти поселений, относящихся к культуре типа Банцеровщины и Тушемли. Между тем, города на территории Беларуси создали славяне и трудно считать, чтобы в канун становления этих городов вся окружающая территория была заселена исключительно балтами (Штыхов, 1978).

Курганы с трупосожжениями типа Атокинского могильника и могильника Дорохи-I сменяются около середины VIII вв. могильниками второй стадии, содержащими преимущественно удлиненные и сопутствующие им круглые в плане насыпи. Курганные могильники второй половины VIII–IX вв. исследовались около деревень Борки, Бескатово, Дорохи, Вышадки, Смольки, Устье (Штыхау, 1992, с. 41–60).

В курганах последней четверти I тыс. н.э. трупосожжение почти всегда находится под насыпью, на горизонте. Бывает, что кальцинированные кости собраны в неглубокой ямке, сверху помещен опрокинутый вверх дном сосуд. Эта деталь погребального обряда сближает курганы второй стадии с более ранними насыпями описанной выше первой стадии.

Большинство курганов бедны инвентарем или совсем его не содержат. И если среди них есть славянские захоронения, что мы вполне допускаем, то подтвердить это комплексами погребального инвентаря не представляется возможным. Однако иногда встречаются погребения с массой поврежденных огнем украшений. Близ дер. Борки в кургане № 2 обнаружено 11 костяных уток, 20 бронзовых трапециевидных подвесок, железная пряжка, спиральки, фрагменты шейной гривны и пр. (рис. 1). В кургане № 6 найдены 5 бронзовых спиралек, 3 трапециевидные подвески, стеклянные бусы из голубого стекла. В погребении представлены остатки ожерелья, в котором чередовались стеклянные бусы и ряды спиралек. Есть фрагменты шейной гривны (рис. 1:25), пластинчатого браслета с ребром (рис. 1:39). В кургане представлены виды женских украшений, распространенных у балтов и характерных также для культуры смоленских длинных курганов (Шмидт, 1963, с. 104, 106–107).

Близ дер. Вышадки в малом круглом кургане № 14 найдено около 300 фрагментов от поврежденных огнем украшений. В их числе остатки цепочки. К ней прикреплялись трапециевидные подвески и другие украшения (Штыхау, 1992, с. 46). Богатство погребального инвентаря в отдельных курганах VIII–IX вв., видимо, явление не столько социальное, свидетельствующее об имущественном неравенстве, сколько этногенетическое. Популя-

ность металлических женских украшений характерна для балтов, а в данном случае украшения говорят о славянизированных балтах, относительно немногочисленных на территории формирования полоцких кривичей.

Захоронения курганного могильника близ Полоцка на окраине дер. Глинище имеет узкую хронологическую дату и почти всецело относится к X в. В могильнике – 60 полусферических курганов, из которых исследованно 20. Сожжение умерших производилось на месте возведения насыпи. Остатки сожжения сгребались в кучку, специальной ямки для кальцинированных костей не делали. Вещевой материал при трупосожжениях: железные подковообразные фибулы, обломки серпа, точильный брусок, стеклянные бусы (лимонки и глазчатые), бронзовые перстни, наконечники стрелы, ножи, глиняное пряслице, обломки серповидного височного кольца с заходящими концами. Найдено 6 лепных и 4 круговых горшков (рис. 2:11–15). Лепные сосуды очень архаичны и принадлежат к культуре смоленских длинных курганов. Оценка курганов X в. около дер. Глинище как погребений полоцких кривичей не может подлежать сомнению.

Отличительная черта лепной посуды VIII – начала X в. – округлое плечико в верхней части тулова горшка, шейка с отогнутым, иногда прямым венчиком. Изредка встречаются сосуды, орнаментированные по краю насечками или защипами (Борки, Домжерицы, Дорохи-2) (рис. 2:7). У многих горшков дно с наружной стороны посыпано песком. Наибольшее расширение тулова приходится на верхнюю часть сосуда. Данная керамика переходит непосредственно в раннекруговую восточно-славянскую посуду. Установление преемственности в развитии форм керамики важное доказательство, что среди погребений культуры длинных курганов VIII–IX вв. есть захоронения славянские.

В инвентаре курганов последней четверти I тыс. н.э. особый интерес представляют бронзовые плоские серповидные височные кольца с заходящими концами, зачастую орнаментированные выпуклыми поясками, с двух сторон которых есть зубчатая нарезка (рис. 3:18). Они обнаружены на Смоленщине в курганах возле дер. Цурковка, Слобода, Хатынь, Слобода-Глушица, Заозерье, Акатово, Василевщина (Шмидт, 1963, с. 105). Найдены на Витебщине в курганах близ деревень Бельмонты, Устье на Богинском озере, Рудня и Глинище под Полоцком, Дорохи-2, а также на селище у д. Гнездово близ Смоленска, то есть на территории, где происходило формирование смоленских и полоцких кривичей. Эти украшения найдены на городище Камно подле Пскова, под Великими Луками (Штыхау, 1992, с. 53).

Таких височных колец на территории Балтии, кажется, нет. Они как будто широко распространены на территории Смоленщины и Витебщины. Есть основания считать височные серповидные кольца

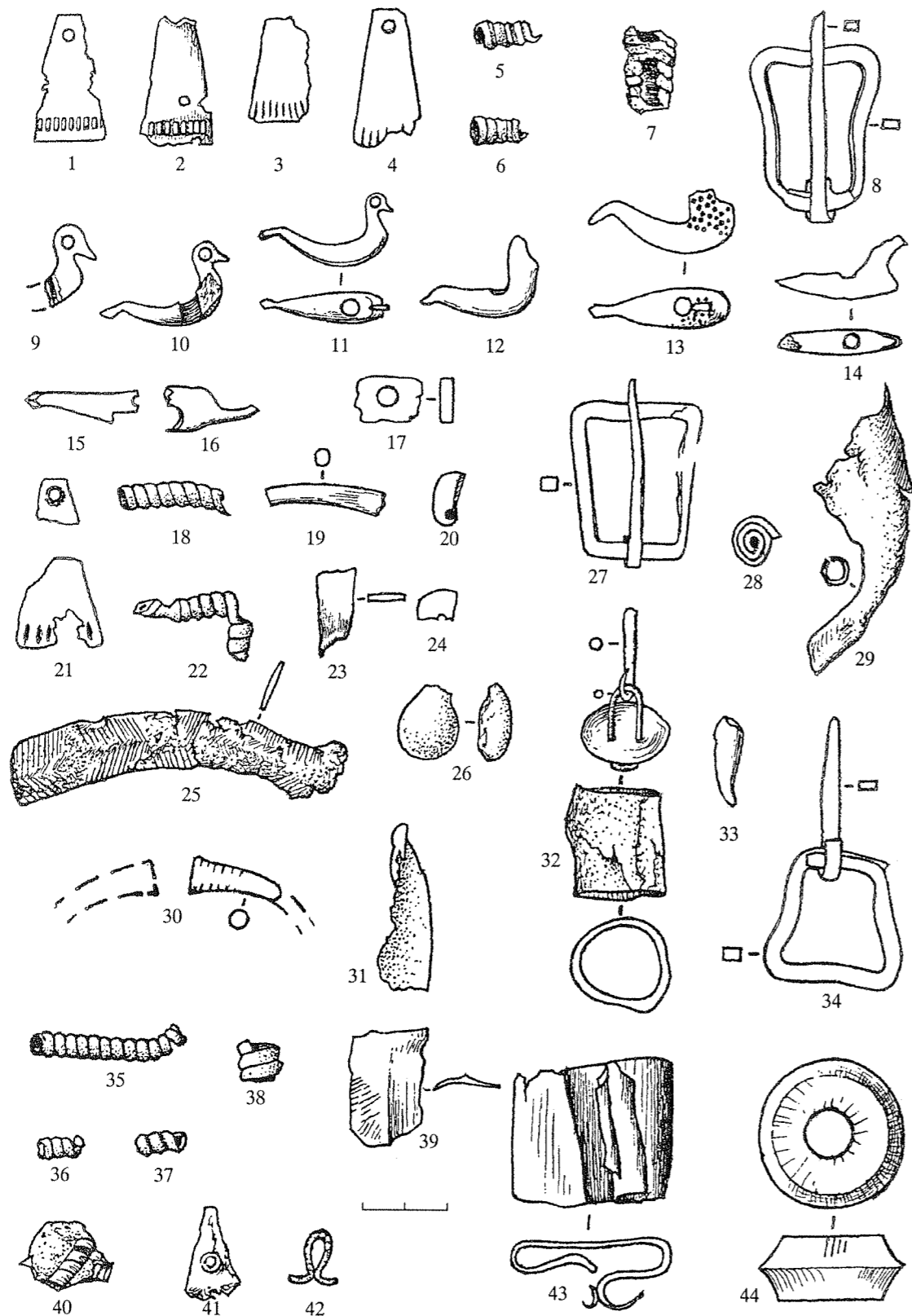

Рис. 1. Борки Полоцкого района. Инвентарь курганов конца VIII-IX вв.: 1-7, 18, 19, 21-23, 25, 28-32, 35-42 - бронза; 8, 27, 32, 34, 43 - железо; 9-17, 33 - кость; 24, 26 - стекло; 44 - глина.

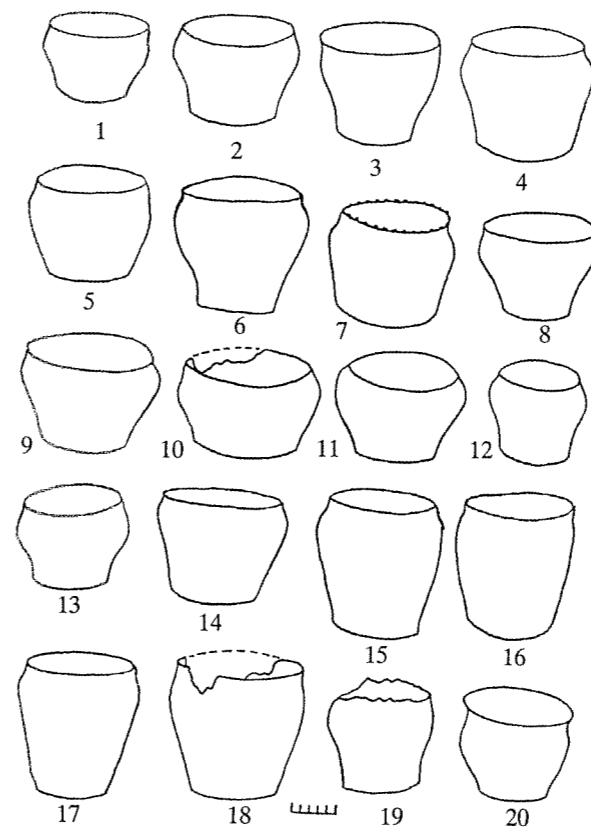

Рис. 2. Лепные горшки VIII - начала X вв. из курганов: 1-3 - Борки, 4-5 - Смольки, 6 - Устье, 7-10 - Дорохи, 11-15 - Глинище, 16 - Плусы, 17 - Слободка, 18-19 - Домжерицы, 20 - Пукановка.

женским украшением ранних кривичей. Вопрос о прототипах этих украшений вызывает спор (Седов, 1999, с. 145) и его нельзя считать окончательно решенным.

Итак, курганы с трупосожжениями типа могильника Дорохи-1, Атокинского могильника сменяются могильниками, содержащими длинные, удлиненные, круглые в плане насыпи VIII-IX вв., но отличающиеся от предыдущих курганов V-VII вв. некоторыми деталями погребального ритуала, а главным образом керамикой и другим инвентарем. В женских погребениях встречаются украшения, распространенные среди балтского населения. На рубеже X-XI вв. в погребальных памятниках Белорусского Подвинья, как и на других территориях восточного славянства, получает распространение труположение. Курганы XI-XII вв. в плане круглые.

Для потомков полоцких и смоленских кривичей XI-XII вв. характерен определенный тип женских украшений - височные браслетообразные кольца с завязанными концами. Диаметр колец 5-11 см. Более ранние браслетообразные височные кольца найдены в курганах с трупосожжениями возле дд. Глинище и Вышадки и датируются временем не позднее первой половины X в. Картографирование

височных колец с завязанными концами, позволяет очертить территорию кривичей (Седов, 1970, с. 110, 111).

При раскопках женских погребений в Белорусском Подвинье кроме височных колец найдены стеклянные (реже сердоликовые и янтарные) бусы и подвески из цветных металлов, входившие в состав ожерелий, а также перстни, браслеты, пряжки, шейные гривны и пр. Широкое распространение у кривичей имели стеклянные золоченые бочонкообразные или цилиндрические бусы. Представление о типичном погребальном инвентаре XI-XII вв. дают материалы из раскопок курганов у дер. Путилковичи (Поболь, 1979, 117-123). В мужских погребениях в Подвинье встречаются топоры, изредка копья (Кирпичников, 1966, 78, 80, 84). Более часты ножи, пряжки, поясные кольца, горшки, изготовленные на гончарном круге, кресала. Глиняная посуда присутствует в мужских и женских погребениях. Подведем некоторые итоги. Материалы, полученные при исследовании рассмотренных курганных могильников второй половины I тыс. н.э., имеют важное значение для понимания процесса формирования полоцких кривичей. Наличие длинных курганов следует считать свидетельством появления славян на тех территориях, где эти памятники известны. Существует взаимосвязь между древнейшими курганами и поселениями (городищами и селищами) культуры типа Банцеровщины и Тушемли на территории Белорусского Подвинья, где выделяется вариант банцеровской культуры, одной из черт которого было погребение в длинных и круглых курганах с трупосожжениями.

Весьма важно учесть обнаружение в одном из курганов в могильнике Повалишино (Россонский район) трупосожжения с расчесанной керамикой. Комплекс культуры длинных курганов Северной Беларуси ранней стадии имеет местные корни в памятниках III-V вв., в которых присутствует в качестве индикатора расчесанная керамика. Возможно, носители культуры ранних длинных курганов около середины I-го тысячелетия н.э. продвинулись из Северной Беларуси на Псковщину и в верховья реки Великой (Штыхов, 1999, с. 32-34).

Могильники культуры длинных курганов обнаружены в восточной части Новгородской земли в бассейне реки Мологи. Население это было пришлым, явилось здесь в V веке, видимо, с Западной Двины и верхнего Днепра (Башенькин, 1997, с. 21-27).

Открытие курганных могильников середины - третьей четверти I тыс. н.э. в Белорусском Подвинье делает уязвимым положение о северо-восточнославянской (кривичско-новгородской) колонизации Смоленской и особенно Полоцкой земли (Седов, 1999, с. 126, 140-145). Длинные курганы появляются или одновременно на Псковщине и Полотчине или на Полотчине они возникают несколько ранее.

Материалы из раскопок курганов на севере Беларуси позволяют констатировать, что древнейшие

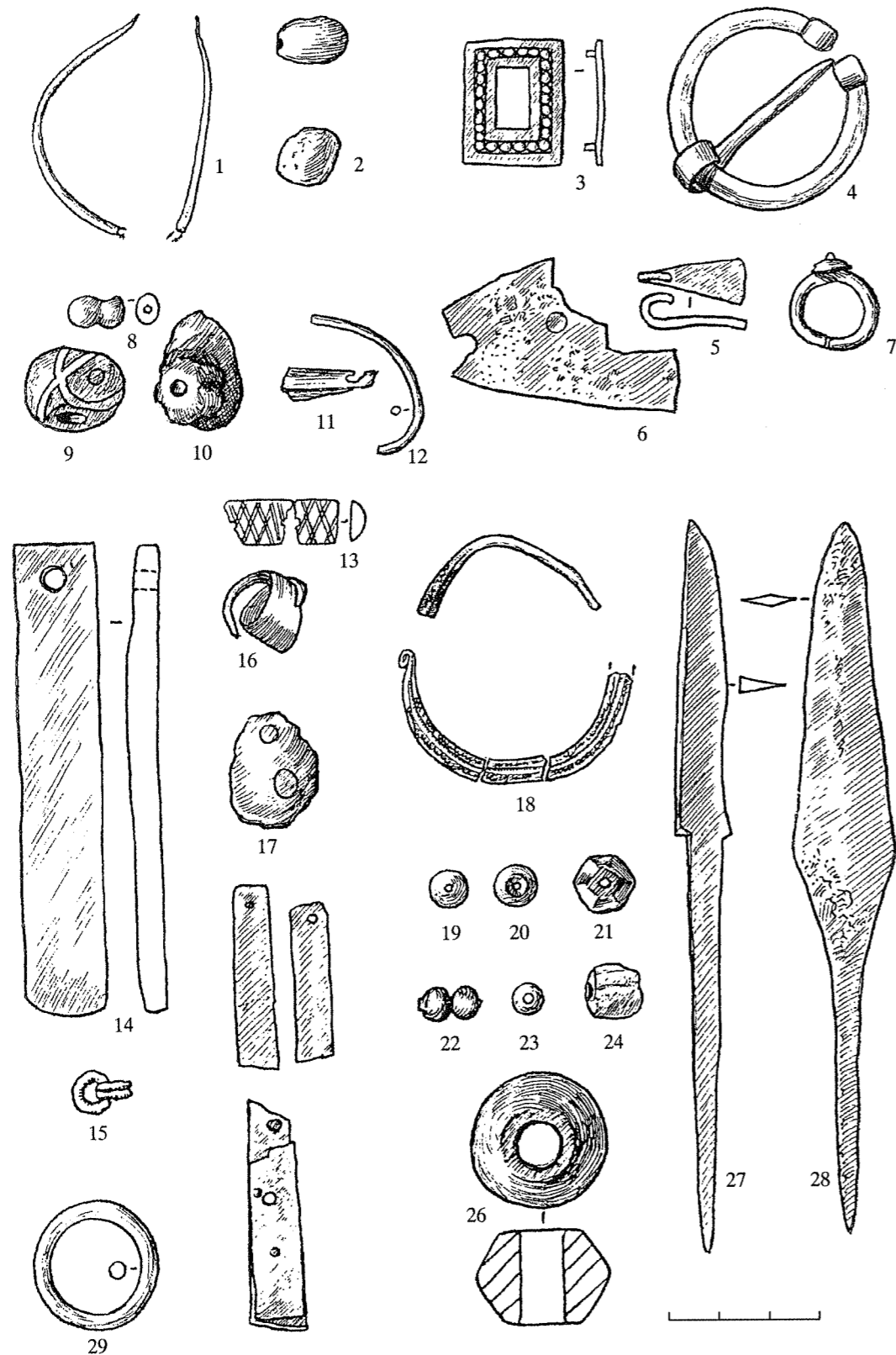

Рис. 3. Глинище Полоцкого района. Инвентарь курганов X в.: 1, 3, 11, 12, 15, 16, 18-19 – бронза; 2, 8, 9, 10, 17, 19, 20, 22-24 – стекло; 4, 5-7, 25, 27, 28 – железо; 13 – кость; 26 – глина.

длинные и круглые курганы в Белорусском Подвинье принадлежали населению, оставившему памятники типа верхнего слоя Банцеровщины в VIII в. В длинных и сопутствующих им круглых курганах появляются новые типы лепной керамики (с округлыми плечиками). В устройстве и деталях погребального обряда курганов VIII-IX вв. наблюдается генетическая преемственность с курганами X в., содержащими трупосожжения, подтверждением чему служит курганный могильник в дер. Глинище под Полоцком и другие могильники (рис. 3).

Корее всего, памятники третьей четверти I тыс. н.э., как городища, так и курганы, отражают тот период истории, когда славяне проникли на обширные территории, заселенные балтами и финно-уграми. В результате сложилась полиэтничная археологическая культура. В Белорусском Подвинье возник локальный балто-славянский ее вариант, характеризующийся появлением наряду с круглыми курганами с трупосожжениями длинных валообразных насыпей.

Примерно в середине VIII в. имела место вторая волна славянской колонизации в Белорусское Подвинье, что отражено в материальной культуре появлением лепной керамики с плечиками. Но это не привело к окончательной славянизации населения. Балтские элементы в культуре длинных курганов, а следовательно, и в культуре ранних кривичей занимают значительное место.

Колонизируя лесную полосу, вступая в тесную связь с местным населением, славяне воспринимали в большей или меньшей мере культурно-этнографические особенности аборигенов, унаследовали элементы их материальной культуры. Происходили активные ассимиляционные процессы, причем ассимилировали не только славяне балтов, но в ряде случаев, надо думать, славяне были ассимилированы балтами.

В VIII-IX вв. с возникновением постоянных укрепленных населенных пунктов восточных славян (Полоцк, Витебск, Лукомль) процесс колонизации и славянизации Белорусского Подвинья, где распространены длинные курганы, значительно активизировался. Так происходило формирование полоцких кривичей по археологическим данным.

Лингвисты также пришли к выводу, что вклад балтского населения в историю Верхнего Поднепровья, а следовательно, и в историю кривичей, радимичей, дреговичей значителен (Топоров, Трубачев, 1962, с. 229-244). Попытку сплошного лингвистического обследования гидронимии Белорусского Подвинья предприняла Е. М. Катонина. По ее наблюдениям в этом регионе 18,5% названий с большой достоверностью могут быть отнесены к славянским, 17,5% гидронимов получили балтскую интерпретацию, 64% наименований могут быть сопоставимы как со славянскими, так и с балтскими языковыми данными. Есть названия 8% от общего числа

интерпретированных форм, которые имеют финно-угорские топонимические параллели. Можно говорить о мирном характере балто-славянских отношений в данном регионе при некотором участии финно-угорского элемента на крайнем севере Беларуси. Многие гидронимы возникли в результате сосуществования носителей балтской и славянской языковой систем (Катонина, 1978, с. 85, 86). С эти хорошо согласуется утверждение Ф. П. Филина, что древнейшие восточнославянские заимствования в прибалтийско-финские языки относятся скорее всего к VII в. "Восточнославянские переселенцы из Приднепровья в VII-VIII вв. достигли бассейна Волхова и земель южного Приладожья" (Филин, 1980, с. 43).

Для решения проблемы истории населения Беларуси существенное значение имеет выяснение этнической принадлежности киевской культуры, установление того, действительно ли она принадлежит славянам (Археология Беларуси, 1999, с. 296-298). Что же касается влияния этих древностей на формирование культуры типа верхнего слоя Банцеровщины, то такое обстоятельство находит все больше подтверждений. Вероятно, в формировании кривичей отразились разные и разновременные потоки славянской колонизации лесной полосы Восточной Европы.

Понятен интерес к возникновению этнонима "кривичи". Согласно М. Фасмеру, этноним образовался "от имени родоначальника племени Кривь" (Фасмер, 1967, с. 375). Г. А. Хабургаев считает такое допущение неверным (Хабургаев, 1979, с. 197). Между тем "кривичи" – патронимическое название как и "радимичи"; "вятичи", которых летописец прямо называл от Радима и Вятка.

Восточнославянские "княжения" или союзы племен нужно понимать как этнические группы населения и в то же время "княжения" представляли собой примитивные государственные образования, как это справедливо отметил М. Ю. Брайчевский (Брайчевский, 1968, с. 176). В Ипатьевском списке кривичи упомянуты в последний раз под 1128 г., а полоцкие князья названы кривичскими под 1140 и 1162 гг. (Полное собрание..., 1962, с. 304, 521). После этого "кривичи" больше не упоминаются в восточнославянских летописях.

Вопрос о полочанах, фигурирующих в вводной части "Повести временных лет", поднимался в специальной литературе. Большинство исследователей пришли к выводу, что это название территориальное. Полочанами называли жителей Полоцка и его земли, вернее, более древней ее части, ибо в состав Полоцкой земли в XI в. входили не только полоцкие кривичи (Гринблат, 1968, с. 113). Летописец знал, что полочане (жители Полоцка) – это кривичи и полочан от считал славянами: "Се бо токмо словенск язык в Руси: поляне, древляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, север, бужане..." – сказано в "Повести временных лет". Фраза из

летописи: “Полочане. От них же кривичи...” породила много споров среди историков. Одни полагали, что племена кривичей происходят от “полочан”, другие утверждали, что кривичи жили к северу от полочан (Алексеев, 1966). Возникновение названия “полочане” древнерусский летописец связывает с именем р. Полота. “Нарекошася полочане, речьки ради, яже втечет в Двину, имянем Полота”. Однако от Полоты происходит наименование города, а от Полоцка – полочане.

Летописные “кривичи” – название собирательное. Это самая большая этническая группировка племен в Восточной Европе. Исследователи различают ветви кривичского союза племен – кривичей полоцких, смоленских, псковско-изборских с их центрами Полоцком, Смоленском, Изборском, Псковом.

Необходимо отметить, что кривичи менее всего подходят для того, чтобы относить их к населению единой древнерусской народности, для форми-

рования которой необходимых условий в IX–XIII вв. явно не хватало (Штыхов, 1997), вопреки мнению, изложенному В. В. Седовым в его новой книге (Седов, 1999, с. 20, 21, 183). Процесс возникновения родственных народов – белорусского, украинского и великорусского (русского) можно последовательно излагать без использования этого некорректного названия.

У кривичей-полочан в IX в. существовали хорошо укрепленные пункты Полоцк, Витебск, Лукомль, вероятно, Браслав и другие, на основе которых потом сформировались города в социально-экономическом их понимании (Штыхов, 1978, с. 31–53). Одновременно полочане создали одно из ранних территориально-политических объединений – племенное княжение, которое положило начало Полоцкому княжеству – древнейшему, наиболее значительному государственному образованию на территории Беларуси (Нарысы гісторыі... 1994, с. 92–97).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология Буларусі у чатырох тамах, 1999 – Т. 2. Жалезны век і ранняя сярэднявечча. Мінск, 1999.
- Аун М., 1980 – Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры. Таллинн, 1980.
- Башенькин А. Н., 1997 – Славяне на востоке Новгородской земли V–IX вв. // Труды VI международного Конгресса славянской археологии. Т. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. Москва, 1997.
- Брайчевский М. Ю., 1968 – Походження Русі. Київ, 1968.
- Гринблат М. Я., 1968 – Белоруси. Очерки происхождения и этнической истории. Минск, 1968.
- Загорюльский Э. М., 1977 – Древняя история Белорусии. Минск, 1977.
- Зверуго Я. Г., 1989 – Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. Минск, 1989.
- Катонова Е. М., 1978 – Данные гидронимии о балто-славянских контактах на севере Белоруссии // Конференция. Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом. Москва, 1978.
- Кирпичников А. Н., 1966 – Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. Москва, 1966.
- Лаул С., 1971 – Об этнической принадлежности курганов юговосточной Эстонии // Известия АН Эстонской ССР, общественные науки, 1971, № 3.
- Митрофанов А. Г., 1978 – Железный век Белоруссии VII–VI вв. до н.э. – VII в. н.э. Минск, 1978.
- Митрофанов А. Г., 1980 – Археологические памятники восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа VIII в. до н.э. – IX в. н.э. // Из древней истории балтских народов: по данным археологии и антропологии. Рига, 1980.
- Мугуревич Э., 1996 – Контакты между славянами и балтами в раннем средневековье // *Slavia Antiana*. Т. XXXVII. Poznań, 1996.
- Мязведзеу А. М., 1994 – Насельніцтва Беларусі у жалезным веку // Беларускі гістарычны агляд. Т. 1. Сшытак 1. Мінск (лістапад 1994).
- Нарысы гісторыі Беларусі, 1994 – Ч. 1. Мінск, 1994.
- Перхавко В. Б., 1979 – Классификация орудий труда и предметов вооружения из средневековых памятников междуречья Днепра и Немана // Советская археология, 1979. № 4.
- Поболь Л. Д., 1983 – Археологические памятники Белоруссии: железный век. Минск, 1983.
- Полное собрание русских летописей, 1962 – Т. 2. Ипатьевская летопись. Москва, 1962.
- Русанова И. П., 1976 – Славянские древности VI–VII вв. (Культура пражского типа). Москва, 1976.
- Седов В. В., 1970 – Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. Москва, 1970.
- Седов В. В., 1974 – Длинные курганы кривичей. Москва, 1974.
- Седов В. В., 1999 – Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. Москва, 1999.
- Таутавичюс А. З., 1959 – Восточнолитовские курганы // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. Т. 1. Москва, 1959.
- Топоров В. Н., Трубочев О. Н., 1962 – Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. Москва, 1962.
- Третьяков П. Н., Шмидт Е. А., 1963 – Древние городища Смоленщины. Москва-Ленинград, 1963.
- Фасмер М., 1967 – Этимологический словарь русского языка. Т. 2. Москва, 1967.
- Филин Ф. П., 1980 – О происхождении праславянс-

кого языка и восточнославянских языков // Вопросы языкознания, 1980, № 4.

Хабургаев Г. А., 1979 – Этнонимия “Повести временных лет” в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. Москва, 1979.

Шмидехельм М. Х., 1955 – Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955.

Шмидт Е. А., 1963 – Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н.э. на территории Смоленской области // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. V. Смоленск, 1963.

Шмидт Е. А., 1975 – Днепро-двинские племена в I тысячелетии н.э. Автореф. докт. дисс. Москва, 1975.

Шмидт Е. А., 1992 – Племена верховьев Днепра до

образования Древнерусского государства. Ч. 2. Москва, 1992.

Штыхов Г. В., 1971 – Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма. Вып. 2. Минск, 1971.

Штыхов Г. В., 1978 – Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск, 1978.

Штыхау Г. В., 1992 – Крывічы: па матэрыялах раскопак кургану у паўночнай Беларусі. Мінск, 1992.

Штыхов Г. В., 1997 – Древнерусская народность: реалии и миф // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3. Москва, 1997.

Штыхов Г., 1999 – Культура ранних длинных курганов V–VII вв. в Беларуси // *Lietuvos archeologija*. 1999. Т. 18.

POLOCKO KRIVIČIŲ FORMAVIMASIS

Georgijus Štyhovas

Santrauka

Šiaurinėje Baltarusijos dalyje (Vitebsko sritis), iki susikuriant Kijevo valstybei, vyko sudėtingi etniniai procesai, kurių metu formavosi Polocko krivičiai (poločanai) – vakarinė krivičių šaka, kuri I tūkstantmečio antroje pusėje apgyvendino Šiaurės Baltarusiją. Etninis poločanų priklausomumas – viena iš bendros krivičių formavimosi problemos dalių.

Polocko krivičių etnogenezėje buvo 3 etapai, kurie pastebimi ilgųjų pilkapių kultūros paminkluose. Pirmajam etapui (V–VIII a. pradžia) būdinga Bancerovo–Tušėmlis tipo keramika, antrajam (VIII–X a.) cha-

rakteringi Smolensko–Polocko tipo ilgieji pilkapiai su degintiniais kapais (1–3 pav.). Trečiasis etapas (XI–XII a.) išsiskiria tuo, jog baltiškojo substrato pagrindu susiformavo rytų slavų pilkapių kultūra su pilkapiais apskritais ir nedegintiniais kapais. Šie gyventojai rašytiniuose šaltiniuose vadinami krivičiais arba poločanais ir yra vieni iš probaltarusių etnoso pradininkų. Polocko krivičiai turėjo gerai įtvirtintas gyvenvietes – Polocką, Vitebską, Lukomlę, kurių pagrindu susiformavo polocko krivičių miestai ir IX–XIII a. Polocko kuni-gaikštystė.

ILIUSTRACIJŲ SĄRAŠAS

1 pav. Borkai, Polocko rajonas. VIII a. pabaigos – IX a. piliakanų inventorius: 1–7, 18, 19, 21/023, 25, 28–32, 35–42 – bronzos; 8, 27, 32, 34, 43 – geležis; 9–17, 33 – kaulas; 24, 26 – stiklas; 44 – molis.

2 pav. Lipdytiniai puodai iš VIII a. – X a. pr. piliakalnių: 1–3 – Borkų; 4–5 Smolkų; 6 – Ustjų; 7–10 –

Dorochų; 11–15 – Gliniščės; 16 – Plusų; 17 – Slobodkos; 18–19 – Domžericų; 20 – Pukanovkos.

3 pav. Gliniščė, Polocko rajonas. X a. piliakalnių inventorius: 1, 3, 11, 12, 15, 16, 18–19 – bronzos; 2, 8, 9, 10, 17, 19, 20, 22–24 – stiklas; 4, 5–7, 25, 27, 28 – geležis; 13 – kaulas; 26 – molis.

Iš rusų k. vertė Inita Tamošiūnienė

FORMATION OF KRIVICHI OF POLOTSK

Georgij Shtykhov

Summary

In the northern part of Byelorussia (Vitebsk District), before the formation of Kiev state, complicated ethnic processes took place and in a course of them *Krivichi* of Polotsk (*Poločanai*) – the Western branch of *Krivichi*, which settled in the Northern Byelorussia in the second half of the First Millenium, – were formed. The ethnic dependence of *poločanai* is a part of the general problem of formation of *Krivichi*.

The ethnogenesis of *Krivichi* of Polotsk consists of three stages, which are obtained in monuments of the Long Barrow Culture. The characteristic feature of the first stage (the 5th – the early 8th centuries) is ceramics of Bantserovo–Tushemlya type, the characteristic feature

of the second stage (the 8th–10th centuries) – long barrows of “Smolensk-Polotsk” type with cremated graves (Fig. 1–3). The third stage (the 11th–12th centuries) is notable for a formation of the culture of barrows of Eastern Slavs with barrows, having round earth piles and non-cremated graves, on the base of Baltic substratum. These indigenes are referred to as *Krivichi* or *Poločanai* in written sources and are reckoned among the founders of the pro-Byelorussian ethnosis. *Krivichi* of Polotsk had well-fortified settlements, such as Polotsk, Vitebsk, Lukoml, which became a base of a formation of towns of *Krivichi* of Polotsk and finally (in the 9th–13th centuries) – Polotsk Principality.

THE LIST OF ILLUSTRATIONS

Fig. 1. Borki, Polotsk District. The inventory of hill-forts of the late 8th – 9th cc.: 1-7, 18, 19, 21–23, 25, 28–32, 35–42 – bronze; 8, 27, 32, 34, 43 – iron; 9–17, 33 – bone; 24, 26 – glass; 44 – clay

Fig. 2. Plastic pots from hill-forts of the 8th – the early 10th cc.: 1–3 – Borki; 4–5 Smolki; 6 – Ust'ye; 7–10 –

Dorokhi; 11–15 – Glinishche; 16 – Plusy; 17 – Slobodka; 18–19 – Domzheritsy; 20 – Pukanovka

Fig. 3. Glinishche, Polotsk District. The inventory of hill-forts of the 10th century: 1, 3, 11, 12, 15, 16, 18–19 – bronze; 2, 8, 9, 10, 17, 19, 20, 22–24 – glass; 4, 5–7, 25, 27, 28 – iron; 13 – bone; 26 – clay

Translated by Inita Tamošiūniene

Проф. др. Георгий Васильевич Штыхов
Нацыянальная Акадэмія Навук Беларусі,
Інстытут гісторыі Беларусі,
буль. Б. Скарыны 1, 220072–Мінск. Тел. 2 68 58 89

UDK 008(=88)(091)

Iš-02

Iš-02 Iš baltų kultūros istorijos: skiriama
Adolfo Tautavičiaus 75-mečiui / Lietuvos istorijos
institutas; [redakcinė kolegija: Vytautas
Kazakevičius (pirm.) ... [et al.]. - Vilnius:
Diemedis, 2000. - 220 p.: iliustr.
ISBN 9986-23-078-0

UDK 008(=88)(091)

Lietuvos istorijos institutas
Kultūros paveldo centras

IŠ BALTŲ KULTŪROS ISTORIJS

Viršelio 1-ajame psl.

Vilniaus aukštutinės pilies XV a. pr. stogų rekonstrukcija. (*Pilies pastatų rekonstrukcijos autorius – Napoleonas Kitkauskas, vieno iš įmanomų glazūruotų čerpių išdėstymo variantų, pagal artimiausią Marienburgo analogiją autorius – Gintautas Rackevičius.*) (*Piešė Vytautas Abramauskas.*)

Viršelio 4-ajame psl.

1. Glazūruotos čerpės iš Vilniaus aukštutinės pilies. (*Vyginto Skaraičio nuotr.*)
2. Žalvarinė emaliuota segė iš Lazdininkų.

4-ajame kn. psl. *Kazimiero Vainoro nuotr.*

Leidyklos vyr. redaktorius

Danas Kaukėnas

Dailininkas

Jonas Rudzinskas

Maketavo

Lina Klasinskaitė

Dizaineris

Tomas Tamkvaitis

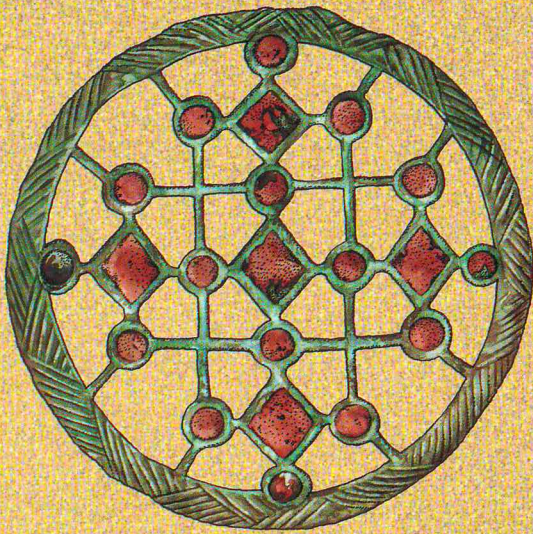
Stilistė

Elena Matiukienė

ISBN 9989-23-078-0

Leidėjas:

DIEMEDŽIO leidykla (neperiodinės spaudos redakcija) SL Nr. 1583.
Vyr. redaktorius Danas KAUKĖNAS. Tel. 286 5 11 00, 73 53 44, faks. 731900.
Pasirašyta spaudai 2000 07 15. 27,5 sp. lanko. Tiražas 600 egz.
Spausdino AB spaustuvė „Vilspa“, Viršuliškių skg. 80, 2056 Vilnius.
Užsakymo Nr. 749

Knygoje skelbiami habilituoto daktaro Adolfo Tautavičiaus mokinių, kolegų iš Lietuvos, Lenkijos ir Rusijos straipsniai. Juose įvairios geležies amžiaus ir viduramžių temos, kurias daugiau kaip 50 metų tyrinėjo ir archeologas Adolfas Tautavičius. Skelbiamuose straipsniuose nagrinėjama įvairių kapinynų, piliakalnių bei pilių tyrimų metu sukaupta medžiaga, taip pat baltų ir rytinių slavų genčių etnokultūriniai klausimai. Šių straipsnių rinkinys, skirtas Adolfo Tautavičiaus 75-mečiui paminėti, – reikšmingas įvykis Rytų Pabaltijo archeologijos mokslo raidoje.

